

Перинец Е.Ю., канд. филол. наук, старший преподаватель

ГУ «Днепропетровская медицинская академия МЗ Украины», Днепр

ОСОБЕННОСТИ МОДЕЛИРОВАНИЯ ВИРТУАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА В РОМАНЕ В. С. МАКАНИНА «ИСПУГ»

В статье рассматривается смешанная пространственная модель романа В. С. Маканина «Испуг», в которой переплетается реальное и виртуальное пространство. «Уход» героев в ирреальную плоскость бытия продолжает развивать тему традиционного концепта «убёга», являющимся знаковым для творчества писателя. Репрезентация амбивалентного двоемирия становится способом фиксации различных социальных, политических и экзистенциальных проблем.

Ключевые слова: виртуальное пространство, телепередача, интернет, политика, Москва – Подмосковье, Маканин.

Творчество современного российского писателя В. С. Маканина, никогда не совпадавшее с мейнстримом литературного процесса, является уникальным и самобытным явлением. Художественным открытием прозаика стало моделирование так называемого «серединного» человека (определение Л. А. Аннинского), вовлечённого в «самотечность» жизни, под которой подразумевается «безумная инерция повседневности, банальное сумасшествие будней» [2: 148]. Местом «рождения» такого персонажа становится столичное пространство Москвы, в отличие, например, от ранних провинциальных героев Маканина, живущих или возвращающихся в родной уральский край.

В прозе 1990-х годов маканинский «серединный» человек вынужден выживать в новых условиях, в изменившемся мире, когда политические события прочно входят в жизнь россиян. О значимости этого переломного момента в истории страны свидетельствует тематический диапазон прозы писателя 2000-х годов, продолжающего осмысливать последствия тех

пертурбаций. Таким ярким примером является роман Маканина «Испуг» (2006), сюжет которого был дополнен своеобразным текстом-перевёртышем, опубликованного прозаиком в 2014 году под названием «Обстрел».

Характерным художественным приёмом романа «Испуг» становится репрезентация двух параллельных пространств – реального (как географического, так и социального) пространства Москвы, Подмосковья и виртуального пространства. Рассмотрение и анализ подобного двоемирия в художественной ткани романа «Испуг» представляется актуальным и перспективным направлением исследований, которое раскрывает сложный узел социальных, политических и экзистенциальных проблем.

Хронологической точкой отсчёта произведения можно считать политический конфликт 1993 года, произошедший в Москве. Именно эти события определяют смысловой вектор романа, приобретающий политическую направленность в «политизированном» пространстве столицы. Таким же «политизированным» оказывается и пространство Подмосковья, представляющее миниатюрную проекцию огромного мегаполиса.

Маканин показывает новый ракурс жизни «серединных» людей, раскрывает механизм их поведения вдали от рутинного темпоритма и суеты большого города. Примечательно, что само понятие «дача» является исключительно русским явлением (происходящим от слова «дар»), одним из элементов конструирования русской модели мира [7]. Возможно, его парадоксальное своеобразие обусловлено сосуществованием таких явлений как «усадьба» и «дача», где первый, по словам О. Ю. Малиновой, представляет собой феномен сельского уклада, а второй – следствие урбанизации [5: 3].

Размышления Маканина над данным вопросом можно проследить в эссе под названием «Ракурс. Одна из возможных точек зрения на нынешний русский роман» (2003), которые найдут дальнейшее развитие в художественном мире «Испуга». Писатель проводит чёткую грань, связанную с эволюцией усадебной и дачной культуры: «Онегины, Болконские, Обломы, Карамазовы... Мы их хорошо знаем. Как не знать!.. Они так и остались в своих неразоренных усадьбах. Они там навечно. Они там влюбляются или

расстаются. Размышляют, что делать и кто виноват. Они сколько-то и скучают. Они отдыхают. ГЕРОИ РУССКИХ РОМАНОВ ОТДЫХАЮТ В УСАДЬБАХ» [4: 158]. Смысл этой фразы раскрывается в рассмотрении жизни дачников из Москвы, представляющих общую модель поведения «серединного» человека в загородных условиях. Оказывается, что обитателей посёлка уже не волнуют извечные философские и экзистенциальные вопросы, замещающиеся псевдопричастностью к политическим событиям. Глава с красноречивым названием «За кого проголосует маленький человек», запуская гоголевский код, демонстрирует невежество и отсутствие обоснованной гражданской позиции. Предположительно речь идёт о выборах президента, которые состоялись третьего и шестнадцатого июля 1996 года, на которых избрали Б. Н. Ельцина главой государства. К примеру, молодая Лидуся делает ставки на предстоящее событие, уподобляя его весёлой эротической игре. С другой стороны, воспитанные в советских реалиях, Маша и Толя своими пустыми спорами и демагогией напоминают разговоры «пикейных жилетов»: «Как только выборы или иная политическая встряска, у них в семье нелады и почему-то сразу кончаются деньги» [3: 78]. Сам Алабин, главный герой романа, ощущает иллюзорность своего вклада в будущее страны при появившейся возможности свободного волеизъявления: «Едва-едва проголосовал (а проголосовал я правильно, как всем нам лучше!), во мне что-то пропало – и нет его. Что-то исчезло» [3: 76]. Таким образом, вписанный в политизированный контекст новых российских реалий, трансформированный «маленький человек» уже не способен ни к каким действиям, полностью превращаясь в пассивную и асоциальную личность.

Интерес к политике, которая прочно вошла в жизнь россиян и стала ее неотъемлемой частью, становится одной из причин зависимости «серединных» людей от телевизионных программ и интернета. Телевизор является незаменимым атрибутом даже на отдыхе, подменяющий таким образом подлинную реальность и красоту природы: «Экранная голубизна в темноте – это наша свеча конца-начала века» [3: 86]. В главе «Мои воровские ночи» моделируется ситуация так называемого естественного существования, когда

люди в посёлке оказались без электричества: «Для кого-то это был месяц сплошной тьмы, месяц самый говенный, бардак и жуть... месяц без лампочек, без холодильников, без радио, не говоря уже о ТВ... месяц дурацких свечек» [3: 205]. Не все выдерживают такое испытание, например, сожитель Лидуси Коля «не может жить без НТВ. Теряет ощущение жизни также и без программы ВРЕМЯ...» [3: 206]. Маканин ярко иллюстрирует ситуацию, «когда в России телевидение играет ведущую роль в политических кампаниях. Телевидение обладает огромными возможностями для формирования избирателей и управления ими» [1].

Таким образом, герои, погружаясь в экранный мир телевизора, живут в «предложенном» им виртуальном мире-симулякре, совершая «убёг» из реальности и от существующих проблем. Если в ранней прозе Маканина его персонажи убегали от действительности на Урал (географическое пространство) или погружались в себя (психологическое пространство), то в романе «Испуг» пространственные границы раздвигаются до моделирования виртуального пространства.

Подобный художественный приём обнажает ещё одну острую проблему, зафиксированную автором в главе «Старость, пятая кнопка», – проблему поколений. Одиноким пенсионер Гоша Гвоздév, отдалившийся от своих детей, нашёл на закате лет своеобразную фиктивную реальность в просмотре телеканала «Культура». В его московской квартире электронное устройство занимает самое почётное место, а гости «рассаживаются не столько относительно друг друга, сколько относительно телевизора» [3: 177]. Немаловажную роль играет описание «Гошиного ящика», который представляет собой «рухлядь», «управляемую суперстаромодно – обычным рычажком – по и против часовой стрелки», а так как персонажу другие каналы не интересны, то и рычажок управления вовсе не востребован [3: 180]. Пенсионер, зацикленный и полностью зависимый от вещи, в такой способ «срастается» со своим телевизором, который, подобно художественным предметам в творческом мире Н. В. Гоголя, «становится полноправным героем повествования» [6: 2]. Смыслом жизни другого старика Петра Ивановича

становится телеустройство Sony, «миниатюрное японское чудо» [3: 230], с помощью которого он погружается в историческую ауру.

В настойчивой привязанности к голубому экрану можно проследить некоторую тенденцию: молодые в основном выбирают политические программы, новости и фильмы, а старшее поколение – передачи о культуре или кино о былых временах. Гоша Гвоздѣв, объясняя свой выбор, замечает: «И если всё уперлось в этот смотровой ящик, то уж лучше смотреть и видеть доброе. А где еще старику доброе поймать? И уж если пустить слезу, то по поводу Гамлета или князя Мышкина, а не за счет новостей...» [3: 181]. Пенсионеры, привыкшие к советскому прошлому и к другому формату подачи информации, пытаются восполнить свои предпочтения иными способами, реализуя «убѣг» в виртуальное пространство асоциального и аполитичного характера. Молодежь, напротив, увлечена современными событиями, а также открывшейся возможностью знакомств в интернете.

Зависимость от виртуального мира раскрывает ещё одну грань проблемы поколений – тему преемственности опыта. В предыдущем творчестве Маканина эта коллизия представлена формулой «отторжения» младшего поколения от старшего в силу отсутствия крепких связей внутри семей, любые отношения «стираются» под напором времени или географической дистанции. В романе «Андеграунд, или Герой нашего времени» (1998) вопрос «отцов и детей» выходит за рамки «родственности», приобретая социально-политический подтекст: противопоставление пятидесятилетнего Петровича как представителя литературы и молодых Ловянникова, Дулычова, занявших своё место в среде «новых русских». Художественный мир «Испуга» не только совмещает обе стороны проблемы, но и вводит иную линию поколений – «дедов» и «внуков».

Помимо прямой линии преемственности (Иван Петрович и дочери, Илья Васильевич, Степаныч и их сыновья), в романе реализуется связь через поколение – родственного (Алабин и внучатый племянник Олежка) и неродственного характера (Алабин и молодые девушки). Последняя цепочка нужна автору для сопоставления «поколения литературного» и «поколения бизнесменов и политиков», что позволяет выявить изменения в ценностной

парадигме общества. В частности, в словах Петра Петровича сквозит горькое разочарование будущим: «Мое поколение захлебнулось. Кончилось. Нас нет... А в тех, что за нами, уже нет порыва... В них жизнь, много жизни, но в них не найти того, что клокотало и тихо-тихо еще клоочет в нас... Увы... Они другие» [3: 369]. Их «непохожесть» обусловлена изменившейся действительностью, совершенно иными аксиологическими ориентирами и предпочтениями. Писатель представляет «огромную прослойку отупевшего молодняка – с их человеческим фактором, с тысячами и тысячами молодых придурков и “пропавших” девиц» [3: 96], которые формируют свою культуру, непонятную для старшего поколения. Немаловажную роль в становлении их мировоззрения играет телевидение и интернет (а не русская литература), навязывающие нормы и стереотипы поведения, а многих даже лишаящие собственного мнения. Так, Марина и Лена, наслушавшись теледебатов, обвиняют Алабина в «совковости» и в «привычке к застою» [3: 209], а московский бухгалтер Лидуся незаметно для себя «тонко и точно копирует чью-то знакомую информацию с экрана» [3: 87].

Молодое поколение впитывает иной культурный опыт, основанный на жестокости, меркантильности, выгоде, что позволяет ему «выжить» и потеснить «поколение литературное» (своих отцов и дедов), воспитанных на иных константах художественной культуры и поэтому ставших «лишними людьми». Богатство открывает молодым путь к вседозволенности, что оборачивается безнравственностью и распущенностью. К примеру, самоуверенная двадцатилетняя Даша, дочь состоятельного экономиста, не только «балует» кислотными марками и порошками» [3: 405], но постоянно меняет партнеров, которые тоже «пробуют между делом наркотики. Дань моде» [3: 399]. Таким образом, для них становится открытым ещё один пагубный способ «убёга» от действительности – употребление наркотических средств.

В художественном мире романа виртуальное пространство представляет мир-симулякр, в который полностью погружены «серединные» герои. Представители разных поколений «живут» в разных виртуальных

пространствах: молодые – в политизированном, а старшее поколение – в ретроспективно-историческом пространстве. Чувство испуга, вынесенное в заглавие произведения, проецируется на кровавые события российской истории, от последствий которых герои совершают «убёг» в разные плоскости виртуального пространства. Но такой «выход» оказывается губительным, не только отдаляющим людей друг от друга, но и подменяющий настоящие ценности иллюзорными.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Анохина Н. В. Влияние средств массовой информации на электоральное поведение: основные подходы // Социология. – 2005. – № 1. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://vestnik-samgu.samsu.ru/gum/2000web1/soci/200010701.html>. – Дата обращения: 14.03.17.
2. Липовецкий М. Н. Против течения. Авторская позиция в прозе Владимира Маканина / М. Н. Липовецкий // Урал. – 1985. – № 12. – С. 148–158.
3. Маканин В. С. Испуг / В. С. Маканин. – Москва : Гелеос, 2006. – 416 с.
4. Маканин В. С. Ракурс. Одна из возможных точек зрения на нынешний роман / В. С. Маканин // Новый мир. – 2004. – № 1. – С. 158–162.
5. Малинова О. Ю. Социокультурные факторы формирования дачного пространства вокруг Санкт-Петербурга (1870–1914) : автореф. дис. на соиск. научн. степени канд. ист. наук : спец. 07.00.02 «Отечественная история» / О. Ю. Малинова. – СПб, 2005. – 21 с.
6. Мякинина Е. С. Вещный мир в творчестве Н. В. Гоголя (на материале «Вечеров на хуторе близ Диканьки», «Миргорода» и «Петербургских повестей») : автореф. дис. на соиск. научн. степени канд. филол. наук : спец.10.01.01 «Русская литература» / Е. С. Мякинина. – Москва, 2006. – 17 с.
7. Цивьян Т. В. Дача и дачники в русском представлении. Предварительные материалы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.imk.msu.ru/Publications/Vortrags/rt06russ_civjan_dacha.doc. – Дата обращения: 22.01.17.

Перинець К. Ю., канд. філол. н., старший викладач

ДЗ «Дніпропетровська медична академія МОЗ України», Дніпро

ОСОБЛИВОСТІ МОДЕЛЮВАННЯ ВІРТУАЛЬНОГО ПРОСТОРУ В РОМАНІ В. С. МАКАНІНА «ПЕРЕЛЯК»

У статті розглядається змішана просторова модель роману В. С. Маганіна «Переляк», в якій переплітається реальний та віртуальний простір. «Відхід» героїв в ірреальну площину буття продовжує розвивати тему традиційного концепту «убёга», який є знаковим для творчості письменника. Репрезентація амбівалентних світів стає способом фіксації різних соціальних, політичних та екзистенціальних проблем.

Ключові слова: *віртуальний простір, телепередача, інтернет, політика, Москва – Підмосков'я, Маганін*

Perinets E. Y., Ph.D (Philological)

State Establishment «Dnipropetrovsk Medical Academy of Health Ministry of Ukraine», Dnipro

FEATURES OF MODELING OF VIRTUAL SPACE IN V. MAKANIN'S NOVEL "FRIGHT"

The article deals with the mixed spatial model of V. Makanin's novel "Fright", in which the real and virtual space are intertwined. "Exit" of the heroes to the unreal plane of existence continues to develop the theme of the traditional concept of the "escape", which is significant for the writer. The representation of the ambivalent bi-worldness becomes a way of fixation of various social, political and existential problems.

Keywords: *virtual space, telecast, internet, politics, Moscow – Moscow region, Makanin*